

792 (с. 397) упоминается что Халид б. ал-Валид (см. выше) «в 636 г. взял Хиру в Ираке, в 634—637 гг. — Дамаск, Химс и другие города в Сирии». В действительности Хира была взята в 633 г.¹¹, а указанные сирийские города в 634—636 гг.¹²

С. Б. Певзнер оставил без перевода прозвища некоторых византийских исторических деятелей, которые из-за этого выглядят в русском тексте как арабские нисбы — ал-Мукаукис ар-Руми (с. 93) и Мануил ал-Хаси (с. 192). Их лучше было бы передать соответственно как ал-Мукаукис-румиец (или ромей ал-Мукаукис) и Мануил-евнух или же указать перевод в примечаниях. Хорошо было бы также дать перевод топографических названий, носящих имена исторических деятелей, таких, как Сук Барбар (рынок Барбара) и Сук Вардан (рынок Вардана), чего

у С. Б. Певзнера нет (с. 121, 123, 130, 132, 133, 135, 137, 140, 153, 247). На с. 157 оставлено без перевода слово кайсарийа (базар, торговый центр). Его значение следовало бы указать в примечании, иначе смысл фраз, где оно встречается, остается не совсем понятным читателям, не знающим арабского языка.

Несмотря на известные недостатки, некоторые из которых (в части, посвященной завоеванию Египта) мы отметили выше, перевод С. Б. Певзнера в общем верно передает смысл сочинения Ибн 'Абд ал-Хакама и делает доступным для широкого круга ученых-медиевистов, студентов-историков и людей, интересующихся историей средневекового Египта, знакомство с этим выдающимся памятником средневековой арабской исторической литературы.

М. В. Кривов

У к о л о в а В. И. «Последний римлянин» Боэций. М.: Наука, 1987. 160 с.

Потребность в монографии о Боэции ощущалась у нас давно. Аниций Манлий Торкват Северин Боэций относится к числу тех немногих мыслителей, творчество которых предопределило развитие целых отраслей культуры на много столетий вперед. Как государственный деятель он принадлежал своей эпохе, сыграв важную роль в формировании административной организации Остготского королевства, в проведении экономической, финансовой, культурной политики правительства Теодориха Великого. Как последний ученый античности он способствовал сохранению ее наследия на века, переведя на латынь труды Аристотеля и составив учебники по арифметике, гармонии, геометрии, астрономии. Как педагог он завершил создание системы «тривиума» и «квадривиума», ставшей основой школьного образования на протяжении всего средневековья. Наконец, как философ Боэций завещал потомству свою апологию философии, обоснование ее полезности как инструмента познания и утешения в невзгодах. И если онтологические и гносеологические аспекты его учения вошли в средневековую культуру и остались в ней, то этический смысл трактата «Утешение философией», принцип торжества высокого человеческого духа над превратностями судьбы, делает главный труд Боэция актуальным и поныне.

В отечественной научной литературе до сих пор отсутствовали крупные работы, в которых давалась бы целостная общая характеристика жизни и творчества Боэция. Единственная русская монография о нем¹ посвящена лишь частному аспекту его деятельности и к тому же содержит отрицательный исследовательский результат (автор убедительно доказал, что Боэций вопреки известной традиции не был изобретателем абака). В то же время поток исследований о Боэ-

ции нарастает не только в мировой, но и советской историографии — за последние годы отечественные ученые посвятили ему около двух десятков статей и разделов в монографиях. Обобщение обширного материала, накопленного историографией, стало насущной необходимостью. Одновременно назрела потребность предоставить широким кругам читателей возможность удовлетворить свой интерес к Боэцию на родном языке. Попытку разрешить эти две непростые задачи и предпринимает доктор исторических наук В. И. Уколова, многие годы целенаправленно изучающая творчество Боэция.

Разработанная В. И. Уколовой структура монографии отличается логичностью и простотой. Автор дает общую характеристику социального и культурного переворота в Средиземноморье, знаменовавшего переход от античности к средневековью, а затем рисует социально-политическую картину истории Италии в конце V—начале VI в. В результате перед читателем встает исторический фон, на котором должна была развернуться эпопея жизни и творчества Боэция. Его биографии посвящена третья глава — «Колесо Фортуны». Далее следуют разделы о Боэции как теоретике педагогики, дидакте и авторе учебников; как переводчике и интерпретаторе Аристотеля и Платона; серия глав о Боэции-философе и его главном труде — «Утешении философией». Завершает книгу глава о роли ученого в истории мировой культуры. В итоге практически все ракурсы творческого и человеческого облика Боэция так или иначе характеризуются в монографии.

В главе «На рубеже времен: от античности к средневековью» В. И. Уколова обоснованно сосредоточила внимание на тех сферах культуры переходного периода, которые оказались особенно зна-

¹¹ Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982. С. 61.

¹² Кривов М. В. Некоторые вопросы. . . С. 96—99.

¹ Бубнов Н. М. Абак и Боэций. Пг., 1915.

чими для творческой судьбы мыслителя. Речь идет, прежде всего, об утверждении христианства в качестве универсальной господствующей идеологии «римского мира», борьбу его с язычеством, о формировании вследствие деятельности «отцов церкви» теоретической основы христианства — «Священного предания». Автор с полным основанием уделяет специальное внимание Августину Гиппонскому — крупнейшему теоретику христианства эпохи патристики (с. 11—14) — и делает ряд важных наблюдений. Среди них, например, мысль автора о том, что августиновский принцип общности исторических судеб человечества (так как все люди — потомки Адама) позволял ввести варварские народы в контекст всемирной истории (с. 13). Интересны и другие соображения В. И. Уколовой: о различиях в проявлении неоплатонизма в патристике Запада (Августин) и Востока (псевдо-Дионисий Ареопагит), о роли риторической культуры как «шлюза», через который влияние языческой античности вливалось в новую, христианизированную идеологию переходного периода (с. 18—19) и т. д.

Данная глава в монографии В. И. Уколовой играет пропедевтическую роль. Этим предопределен ее небольшой объем. И все-таки хотелось бы пожелать, чтобы два сюжета были здесь раскрыты более полно. Об «Исповеди» Августина Гиппонского написано всего несколько строк (с. 12). Между тем очевидно, что тема самовоспитания личности философией сближает ее с «Утешением» Боэция, и для читателя было бы важно и поучительно сопоставить (а во многих случаях противопоставить друг другу) эти произведения. Более подробно стоило бы рассказать здесь и о творчестве языческих неоплатоников, об онтологических системах Плотина и Прокла, влияние которых постоянно ощущается в философском наследии Боэция.

Интересно и убедительно выглядит данная в монографии характеристика культурной эволюции Италии в эпоху владычества остготов. Автор выявляет внутреннюю противоречивость политики короля Теодориха, в которой, в сущности, боролись две расходящиеся тенденции. Одна была направлена на объединение готов и римлян в единый социум как граждан и патриотов одного государства, на репещию римской культуры и ее усвоение остготской верхушкой, на активное использование образованных римлян в сфере управления государством. Другая тенденция была ориентирована на сохранение готов как этнической и социальной целостности и выражалась в разграничении общественных функций по этническому признаку (воины — только готы), поддержке арианства как «национальной» религии германцев и т. д. (с. 26—31). В последний период жизни Теодориха вторая тенденция возобладала, и это обстоятельство привело к трагической гибели Боэция.

В. И. Уколова совершенно правильно связывает репрессии Теодориха против членов кружка интеллектуалов, группи-

ровавшихся вокруг римского папы Иоанна I, с их провизантийской ориентацией (с. 36). Верно и то, что усиление симпатий римской знати к Константинополю способствовало смерти императора-схизматика Анастасия I и воцарение ортодокса Юстина (518). Пожалуй, следовало бы сказать и о том, что Теодорих, формально осуществлявший власть в Италии как патрикий и *magister militum praesentalis* от имени восточного императора, впервые после смерти Анастасия столкнулся с тем, что подобная идеологическая фикция может восприниматься как реальность, причем не только в Константинополе, но и в Риме. Прекращение схизмы устраняло препятствовавшие этому идеологические барьеры, а универсалистские мотивы, более отчетливо зазвучавшие в политике Юстина I и его alter ego Юстиниана, переводили проблему в практическую плоскость. В этом смысле события последних месяцев жизни Боэция вписываются в общий контекст идейных и политических предпосылок Готской войны. Исторический парадокс заключается в том, что в последующей фольклорной традиции убийца (Теодорих) и жертва (Боэций) были в равной степени (хотя и по-разному) идеализированы. В этом плане весьма ценным представляется замечание В. И. Уколовой о том, что фольклорный образ невинно казненного честного и мужественного мудреца Боэция представлял собой этический идеал общечеловеческого значения, в то время как образ Теодориха («Дитриха Бернского») — отважного воина и властного сюзерена — идеал феодальный, сословно-корпоративный (с. 43—44).

Несомненно, особый интерес у читателя вызовут именно те разделы монографии, в которых непосредственно анализируются творчество Боэция. Первый из них — «Четвертые врата» познания» (с. 44—57) — посвящен педагогическим воззрениям мыслителя. В. И. Уколова отчетливо выявляет связи «семичастного канона» Боэция с античной педагогической теорией и практикой. Исследовательница подчеркивает ту роль, которую сыграл в становлении классической системы образования принцип энциклопедизма, уходящий корнями в эллинистическую эпоху (с. 46). Это особенно важно потому, что в современной науке стало правилом рассматривать энциклопедизм как отличительное свойство средневекового подхода к знанию.

Однако данное, в целом правильное, заключение не должно заслонять того факта, что энциклопедизм как мировоззренческий принцип не был изобретением и новацией средневековья, но, в свою очередь, был унаследован им от античности. Боэций же выступил как выдающийся интерпретатор и систематизатор античного знания и одновременно как «философ педагогики», ибо он не только дал классификацию наук, входящих в тривиум и квадривиум, но и подвел под нее теоретическую базу, разделив сущности видимого мира на протяженные и дискретные, каждой из коих соответствует определенная учебная дисциплина,

и построив иерархическую лестницу наук, последовательно преодолевая которую, человеческий разум проходит путь совершенствования. В. И. Уколова с полным основанием отмечает, что декларированная Боэцием цель образования — усовершенствование разума — чисто светская по самой своей сути (с. 55). Вполне уместно поэтому предложенное автором сопоставление Боэция с его современником и идейным антагонистом Бенедиктом Нурсийским, провозгласившим полный отказ от языческих культурных достижений в угоду христианскому вероучению. «Так выкристаллизовывался и укреплялся новый тип культуры — христианский средневековый», — пишет исследовательница (с. 57). Думается, что этот вывод должен быть отнесен и к Бенедикту, и к Боэцию: ведь реально существовавшая средневековая христианская система образования синтезировала в себе обе тенденции культуры переходной эпохи: в содержательном плане она опиралась на завоевания античной науки, в теоретико-философском плане исходила из христианской догмы. Роль Боэция в формировании этой системы невозможно переоценить.

Сохранение для потомства сокровищ античной культуры было главной жизненной целью Боэция. Заслугой В. И. Уколовой необходимо признать раскрытие во всей полноте грандиозного замысла ученого: он мечтал подготовить комментированный перевод всех творений Платона и Аристотеля. Практически ему удалось сделать не так уж много — он успел перевести часть аристотелевского «Органона» и «Введение» к «Категориям» Порфирия. Но уже этим Боэций внес крупный вклад в развитие средневековой философии — ведь до XIII—XIV вв. Западная Европа читала «Категории» Аристотеля в переводе Боэция. Еще важнее то, что, занимаясь переводом, ученый ввел в латинскую лексику целый ряд отсутствовавших в ней прежде обозначений философских категорий. Наконец, «Введение» Порфирия стало в его переводе основным учебником логики в руках средневековых школяров и студентов.

Однако сам замысел Боэция был несравненно более масштабным, и В. И. Уколова проявила незаурядное исследовательское мастерство в восстановлении его отдельных элементов и, главное, его философских оснований. Ей удалось показать, что Боэций исходил из стремления к философскому «примирению» Платона и Аристотеля (с. 74), хотел создать единый фундамент для «всего интеллектуально-культурного универсума наступающей эпохи» (с. 64). Едва ли можно согласиться с мыслью В. И. Уколовой о «сущностном единстве» этого основания (там же), но совершенно правомерно указание автора монографии на неоплатонизм как на единственное философское

учение, в некоторой степени сглаживавшее противоречия между Платоном и Аристотелем (вследствие заимствования аристотелианской логики — с. 60). Собственные логические труды Боэция, также пользовавшиеся большой популярностью в средние века, прямо свидетельствуют о его принадлежности к аристотелианской логической школе, в то время как в области онтологических воззрений он был несомненным неоплатоником.

Тщательному анализу подвергла В. И. Уколова представления Боэция об универсалиях. Боэций первым поставил эту важную для средневековой философии теоретическую проблему². В. И. Уколова проследживает генезис знаменитой логической формулы Боэция: универсалии «существуют... по поводу чувственных вещей, понимаются же вне телесной субстанции» (с. 70). Данная формула в основном соответствует позднему реализму (так как, согласно ей, универсалии существуют), но она же может быть истолкована в пользу концептуализма (универсалии существуют лишь в сознании) и даже номинализма (первичны чувственные вещи)³. Таким образом, из Боэция вырастают все три направления средневековой логики (схоластики).

Боэций — «отец» христианской схоластики. И в то же время вопрос об отношении Боэция к христианству до сих пор вызывает острые научные споры. В настоящее время не подлежит сомнению тот факт, что Боэций был христианином, бесспорна и атрибуция ему нескольких богословских сочинений. В. И. Уколова впервые в советской научной литературе обратилась к их изучению и пришла к многообещающему выводу, что они представляют собой, «в сущности, логические произведения» (с. 81). Для их автора необходимость осмысления богословских проблем выступает как повод для упражнений в логике, причем и здесь — в логике аристотелианской. В. И. Уколова обратила внимание на особое свойство теологического стиля Боэция, которое, видимо, можно было бы определить следующим образом: мышление Боэция не авторитарно. Для него значение доказательства в большинстве случаев имеет не ссылка на авторитет, а логический довод. Видимо, для того чтобы всесторонне обосновать это положение, необходимо специальное аргументированное исследование теологического наследия Боэция, но уже сейчас оно представляется весьма конструктивным в плане воссоздания целостного интеллектуального облика выдающегося ученого средневековья.

Конечно, не теологические работы определяют этот облик в первую очередь. Боэций прежде всего светский философ, и в этом смысле он — последний философ античности в собственном смысле слова.

² Строго говоря, повод к постановке проблемы дал Порфирий, бросивший во «Введении» фразу о том, что не берется решать вопрос, существуют ли роды и виды реально или же они суть только чистые понятия. См.: Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 374.

³ Майоров Г. Г. Указ. соч. С. 378—379.

В эпоху, когда философские идеи стали фоном или в лучшем случае инструментарием теологических упражнений, когда обычным поводом для философствования и наиболее распространенным научным жанром сделалась экзегеза Библии, Боэций создал выдающийся по глубине и умственной раскрепощенности подлинно философский труд — «Утешение философией». Его анализу посвящено несколько глав рецензируемой монографии.

Плодотворной представляется мысль автора о «космологизме» мировоззрения Боэция, вследствие чего последний оценивает свою личную трагедию в контексте законов мироздания (античный взгляд на мир! — с. 90). Говоря об источниках трактата (и шире — философского мировоззрения их автора), В. И. Уколова подчеркивает непосредственную связь Боэция и Платона. Она призывает не преувеличивать влияние неоплатонизма на «последнего римлянина» (с. 94), и, действительно, не подлежит сомнению тот факт, что сочинения Платона были прекрасно известны Боэцию на языке оригинала и оказали мощное непосредственное воздействие на все его творчество. И все-таки в некоторых случаях кажется, что В. И. Уколова недооценивает неоплатоническое содержание философии Боэция. Так, его гносеология, подробно изложенная в «Утешении...» (и в монографии В. И. Уколовой. См.: с. 99—102), предусматривает воспоминание человеческой душой в процессе познания того, что было запечатлено в ней, когда она являлась частицей высшего божественного разума. Вряд ли можно отрицать связь этих представлений с учением Плотина.

То же следует сказать о боэцианской концепции высшего блага, соответствующего высшей иерархической ступени бытия. — идея, вытекающая, конечно, из платонизма (с. 110), но — через неоплатонизм. Эта идея является стержневой для этической концепции Боэция, — гибель не страшна ему потому, что дух его, выйдя из тела, соединится с высшим разумом и высшим благом, своей первопричиной, давшей ему бытие» (с. 107). В связи со стремлением человеческого духа к соединению с высшим благом особое значение приобретают проблемы соотношения добра и зла, а также предопределения и свободы воли. О том, как они решаются Боэцием, подробно и аналитично говорится в монографии В. И. Уколовой. Очень интересны рассуждения автора о различии providentia и судьбы в трактовке философа (первое относится к миру чистой сущности, вторая — к миру вещей, т. е. выступает как проявление судьбы во времени, с. 111). Высший разум посредством судьбы руководит Фортуной. Но Фортуна властвует над переменчивым, не будучи способна влиять на неизменное. Она не в силах изменить внутреннюю сущность человека, и его

духовная свобода состоит в том, чтобы, осознав действующую в отношении него закономерность, следовать ей, так как она ведет человеческий дух к воссоединению с породившим его высшим разумом. Понимание этого должно облегчить самую тяжелую участь, и здесь заключена доказательная суть «утешения философией».

Глава монографии В. И. Уколовой, в которой описывается боэцианская картина мира, называется «Прекрасный мир с прекрасными частями» (с. 135). В самом деле эта картина не только логична, но и эстетична, основана на гармонии. В. И. Уколова доказательно выделяет три сферы этического учения мыслителя («учение о числе», «музыкальная эстетика», «концепция прекрасного», с. 136). Она с большим искусством прослеживает взаимосвязи между этими тремя областями эстетики. В основе здесь лежит «понимание числа как диалектического единства противоположностей», а мир предстает тогда в качестве «гармонического сращения конечного и бесконечного, дискретного и непрерывного» (с. 138—139). Отсюда и «прекрасное» выступает как «соразмерность частей». В этой концепции явственно превалирует античное содержание философии «последнего римлянина», идущее от пифагорейской теории чисел, аристотелианской логики, платоновского учения о космосе.

Итак, В. И. Уколова с успехом разрешила главную последовательскую задачу монографии: ей удалось показать во всей полноте мировоззрение выдающегося мыслителя раннего средневековья и воссоздать его целостную и логичную философскую концепцию. Книга В. И. Уколовой представляет собой оригинальное исследование и одновременно обобщение огромного историографического материала, хотя в силу специфики жанра (научно-популярная монография) это достоинство нашло лишь минимальное отражение в справочном аппарате работы. Добавим к этому, что В. И. Уколова является также автором высококвалифицированного перевода и научного комментария основного труда Боэция — «Утешения философией», благодаря чему русский читатель может теперь непосредственно «общаться» с «последним римлянином»⁴. Решена автором и вторая, популярная задача. Книга В. И. Уколовой интересна, легко читается, содержит много интересных фактов, знакомых специалистам, но недоступных любителям истории, наконец, благодаря последней главе («Не рвется связь времен», с. 150—156) вписывает творчество Боэция в контекст явлений мировой культуры, более известных широким кругам читателей. Не со всеми высказываниями автора можно согласиться. Но если отдельные положения монографии побуждают к спору, это следует отнести к числу ее положительных качеств. Впрочем, хотелось бы высказать все же несколько ча-

⁴ См.: *Боэций. Об утешении философией* / Вступ. ст., пер. и коммент. В. И. Уколовой, пер. стихов М. Н. Цетлина // *Средневековье в свидетельствах современников*. М., 1984. С. 4—158.

стных замечаний. Нельзя полностью принять положение о том, что в раннее средневековье «риторика, выхолощенная до предела, становилась преимущественно информативной... ибо в общественной практике уже не было нужды ни в защитительных, ни в обвинительных речах, построенных по римскому образцу, ни в пысканных и подобающих случаю жестах и декламациях» (с. 48). Дело даже не в том, что в условиях исчезновения судебной и политической риторики еще долго сохранялось эпидейктическое, парадно-придворное красноречие. Средневековье, как известно, сформировало совершенно особый жанр красноречия — риторику христианской проповеди, гомилетическую риторику, впитавшую в себя и ряд античных риторских принципов.

Очевидно, что после избрания консулами сыновей Бозция они не могли шествовать по Риму, окруженные патрици-

ями (с. 32). Наиболее влиятельные патрицианские и плебейские роды старого Рима за несколько столетий до этого слились в единый слой нобилитета. Если же имеются в виду восточноримские патриции (правильнее — «патрикий»), то в Италии в это время жил единственный носитель данного титула — король Теодорих.

Наконец, с точки зрения византиниста, хотелось бы пожелать более детального раскрытия интереснейшей темы подготовки идеологического примирения между западной и восточной церквями в годы правления имп. Юстина I (518—527), участником которой, вероятно, был Бозций. (Тема эта лишь намечена в монографии на с. 78.)

Однако все сказанное не может поставить под сомнение большие достоинства книги В. И. Уколовой, которую с интересом и пользой прочтут и специалисты, и рядовые любители истории.

О. Р. Бородин

М н а ц а к а н я н С. Х. Ахтамар. Ереван, 1983. 173 с., 91 черно-бел. табл., 6 цв. табл., 6 чертежей. На арм. яз.

В конце первой четверти X в. царь Васпуракана Гагик I Арцруни возвел на острове Ахтамар озера Ван дворец и монастырский комплекс. До наших дней от этих сооружений сохранилась только одна постройка — придворная церковь Во имя святого креста. Этот храм, выстроенный в 916—921 гг. зодчим Манузелом, представляет собой выдающееся произведение архитектуры, скульптуры и монументальной живописи и является одним из самых известных памятников армянского средневековья.

По своему архитектурному облику это четырехapsedный храм центрально-купольной композиции, воспроизводящий распространенный в христианской архитектуре Закавказья тип храма Рипсиме. Сохранность церкви довольно хорошая, первоначальный облик ее лишь несколько искажает пристроенная в XVIII в. к южному фасаду колокольня. Внутри храм расписан. Фрески сохранились настолько, что можно проследить общее распределение сцен и отдельных персонажей и их иконографические, стилистические и колористические особенности. Специалисты усматривают в стенописи храма два основных слоя. Но наибольший интерес представляет скульптурный декор фасадов церкви, охватывающий ее четыремя поясами. По сюжетному и иконографическому многообразию, глубокому символизму рельефы Ахтамарского храма не имеют себе равных не только в Армении или Закавказье, но и на всем христианском Востоке. Это обстоятельство и обусловило неизменный интерес к памятнику специалистов и любителей древностей на протяжении более сотни лет.

В ряду тех, кто занимался изучением памятника, стоят имена Е. А. Лалаяна, И. А. Орбели, В. Бахмана, И. Стржиговского, Т. Тораманяна, А. Сагизяна, Л. А. Дурново, К. Отто-Дорн, М. Ипширо-

глу, С. Тер-Нерсисян и др. Среди работ, посвященных Ахтамарскому храму, последней по времени является рецензируемая монография армянского исследователя доктора архитектуры С. Х. Мнацаканяна.

Поскольку книга издана на армянском языке, приведем по-русски ее оглавление: Предисловие (с. 5—19). Часть I. Архитектура: предпосылки формирования Ахтамарского комплекса (20—22); Ахтамарский дворец (22—32); Дворцовая церковь (32—42). Часть II. Скульптура. Гл. 1: Главный пояс (43—45); Композиция пояса (45—51); Светская иконография (51—76); Темы спасения и борьбы (76—88); Рельефы символического характера (88—95); Композиция восточного фасада (95—103); Изображения святых (103—106). Гл. 2: Пояс символов-охранителей (107—121). Глава 3: Пояс виноградника (121—133). Гл. 4: Пояс с князьями и бегущими животными (133—144). Убранство интерьера собора (144—148). Заключение (149—152). В конце книги — указатели (сост. А. Шахкманян): именной, географический, художественных памятников (165—169), списки иллюстраций на армянском, русском, английском языках. Книга снабжена резюме на русском (153—158) и английском (159—164) языках.

Все свидетельствует о серьезности сделанной С. Х. Мнацаканяном работы. Примечательно и то, что автор подошел к исследованию памятника комплексно: он изучил его архитектуру, скульптуру, живопись, касался выбитых на фасадах армянских надписей, что до него так основательно не делал ни один ученый.

С глубоким знанием дела написана часть, посвященная архитектуре храма (20—42), — тема, близкая автору по роду его занятий. Часть, посвященная живописи (144—148), носит информационный характер. Но этот пробел с лихвой возме-